Бусько, С.И. Структура и кадровый состав губернских жандармских управлений на территории Беларуси (конец XIX — начало XX в.) / С.И. Бусько // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2010. — С. 9-18.

С.И. БУСЬКО

СТРУКТУРА И КАДРОВЫЙ СОСТАВ ГУБЕРНСКИХЖАНДАРМСКИХ УПРАВЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (конец XIX — начало XX в.)

Формирование новых социальных слоев и разрушение бывших ведущих сословий уничтожали существовавшую систему организации общественной жизни России во второй половине XIX в., требовали все более глубоких политических перемен. Экономическое развитие стимулировало рост местного сепаратизма, национального и общественного самосознания среди населения. Основным учреждением для сохранения существующего порядка в Российской империи на рубеже XIX—XX вв. был Департамент полиции (с 1880 г.), а точнее Отдельный корпус жандармов — политическая (и не только) полиция империи. Настоящее исследование ставит своей задачей проанализировать качественный и количественный состав одного из подразделений политической полиции России на территории пяти белорусских губерний — губернского жандармского управления (ГЖУ) — на рубеже XIX—XX вв. Первые губернские жандармские управления были созданы на основе «Положения о Корпусе жандармов» от 16 сентября 1867 г. До сере-

дины 1868 г. они возникли практически во всех губерниях.

Основным назначением жандармских управлений был политический розыск, производство дознаний по государственным преступлениям. Несмотря на это, профессия жандарма в России относилась к разряду непрестижных, а в некоторых кругах — неуважительных. Поэтому в ряде распоряжений командующих Отдельного корпуса жандармов, например в июле 1907 г., указывалось на недопустимость неблаговидных действий жандармских чинов: «Отношение общества к Корпусу жандармов не всегда бывает доброжелательным. Каждый поступок жандармского офицера, который может быть истолкован не в его пользу, будет всегда служить поводом для различных обвинений» [1, с. 163]. Являясь частью государственной полиции, ГЖУ входили в систему Министерства внутренних дел. Однако, будучи воинским подразделением, они финансировались из бюджета Военного министерства и по строевой, военной, хозяйственной части подчинялись ему. Жандармские управления были независимы от губернаторов, отвечавших за безопасность и спокойствие в губернии; такого рода двойственность создавала определенные сложности в их деятельности. В зависимости от расположения губернии, наличия предприятий, территории, численности населения и стратегического значения присваивались разряд и содержание сотрудникам губернских жандармских управлений.

В Российской империи создавались управления трех разрядов. Первый разряд — столичные ГЖУ (Москва и Петербург), второй разряд — жандармские управления в наиболее крупных городах (очень часто — в центрах генерал-губернаторств); третий разряд предназначался для губерний с неярко выраженным революционным движением. На территории белорусских губерний было создано пять ГЖУ с центрами в Вильно (второй разряд), Минске, Гродно, Витебске и Могилеве (третий разряд). Штатное расписание губернского жандармского управления в течение длительного времени,

несмотря на меняющуюся политическую ситуацию в Северо-Западном крае, практически оставалось стабильным.

В начале XX в. количество сотрудников ГЖУ колебалось в пределах 20—50 человек. Максимальный штат был установлен для Московского ГЖУ — 91 человек [2, с. 20]. Начальник жандармского управления, в звании не ниже полковника, имел несколько помощников, которые располагались в уездах и возглавляли политический розыск на местах. Как правило, один помощник отвечал за несколько уездов. Определенные требования предъявлялись к месторасположению жандармских управлений: близость к дому начальника; расположение

в спокойном районе (была возможность конспирации); удобство размещения по отношению к губернским учреждениям города и казармам. Деление губернского управления на части происходило с учетом политической благонадежности уездов. Так, Виленское ГЖУ состояло из четырех районов: отдельно выделялись и город Вильно, и Виленский уезд, а также назначались помощники начальника управления по Свенцянскому, Дисненскому, Вилейскому уездам; по Лидскому, Ошмянскому, Трокскому уездам. На 1909 г. Виленское жандармское управление состояло из начальника, 4 помощников, адъютанта, 4 жандармских вахмистров, 51 унтер-офицера и 2 писарей [3, с. 34]. Кроме того, в подчинении некоторых начальников ГЖУ были крепостные и конные жандармские команды. Минское губернское жандармское управление третьего разряда в на чале XX в. состояло из начальника, 3 помощников (по Минскому, Борисовскому, Игуменскому уездам; по Бобруйскому, Слуцкому, Новогрудскому уездам; по Пинскому, Мозырскому, Речицкому уездам), 4 вахмистров, 31 унтер-офицера, 2 писарей. Витебское ГЖУ имело схожее штатное расписание: начальник, несколько помощников (по г. Витебску, Витебскому, Велижскому, Городокскому, Невельскому, Полоцкому, Лепельскому уездам; по Двинскому, Речицкому, Себежскому, Люцинскому, Дриссенскому уездам), 4 вахмистра, 32 унтер-офицера, 2 писаря.

В 1904—1909 гг. в связи с обострением революционной ситуации Витебск выделялся в самостоятельную единицу. Также в распоряжении начальника Витебского ГЖУ находилась Двинская крепостная команда [4, с. 35]. Одной из проблем провинциальных органов политического сыска была слабая постановка делопроизводства и отсутствие квалифицированных кадров для его ведения. Так, в штате пяти белорусских ГЖУ состояло 10 писарей при 8—9 тыс. входящих бумаг ежегодно. В целях упрощения учета материалов и документации во время событий 1905—1907 гг. Департамент полиции предложил искать помощь на местном уровне в различных государственных учреждениях. Виленский и витебский начальники ГЖУ с 1906 г. начали переговоры с местными судами. Так, ротмистр Соттири договорился с прокурором и помощниками Витебского уездного суда о передаче под их контроль всех дознаний по политическим вопросам в губернии. Жандармское управление Гродненской губернии включало в себя начальника, адъютанта, 4 помощников (по г. Гродно; по Белостокско-

му, Сокольскому уездам; по Брест-Литовскому, Кобринскому, Пружанскому, Бельскому уездам; по Гродненскому, Слонимскому, Волковысскому уездам), 4 вахмистров, 41 унтер-офицера, 2 писарей. Начальнику ГЖУ также подчинялась Осовецкая жандармская крепостная команда (1 офицер, 1 вахмистр, 10 унтер-офицеров). Могилевское ГЖУ насчитывало 42 человека: начальник, адъютант, 3 помощника (по Могилевскому, Быховскому, Чаусскому уездам; по Оршанскому, Сенненскому, Горецкому уездам; по Гомельскому, Рогачевскому уездам), 4 вахмистра, 31 унтер-офицер и 2 писаря. Очевидно,

что нехватка кадров являлась одной из важнейших проблем в деятельности жандармских управлений на территории Беларуси вначале XX в. Примерно 265 человек (включая крепостные команды) обеспечивали полицейский политический надзор над населением пяти губерний. Если в мирное время этого было достаточно, то в годы революции 1905—1907 гг. кадровый вопрос становился весьма актуальным. Эта проблема сформулирована в докладной записке заведующего заграничной агентурой Департамента полиции П. И. Рачковского: «Прежде всего поражает несоответствие количества наличных розыскных сил в провинции с размерами работы, выпадающей на их долю. Губернские жандармские управления завалены делом настолько, что при всем их старании выполнить его с полной тщательностью сделать этого они не в состоянии. Мало того, чины этих учреждений, находясь под постоянным бременем непосильной работы, чувствуя, что все равно всего не переделаешь, падают духом, деморализуются, начинают относиться к делу спустя рукава» [5, л. 2—3 об.]. Также состав губернских жандармских управлений нес потери в результате террора. Большое количество офицеров и унтер-офицеров на кануне и во время Первой русской революции стали объектами нападений со стороны представителей радикальных партий и организаций. Так, в Витебской губернии в 1905—1906 гг. было убито 7 сотрудников полиции и жандармерии, в Виленской губернии за 1905—1907 гг. были убиты 4 и ранены 16 служащих (в том числе и глава Виленского охранного отделения); в Гродненской губернии — 10 убитых и 13 раненых офицеров и унтер-офицеров за 1905—1906 гг. [6, л. 6—11; 7, с. 49—50].

Даже учитывая неприязнь общества и сложности работы, желающих стать жандармом было много. Отдельный корпус жандармов пополнялся из армейских офицеров. Но перевестись в Корпус жандармов было очень трудно. Для поступления в Корпус от офицеров в начале XX в. требовались прежде всего следующие условия: потомственное дворян-

ство; окончание военного или юнкерского училища по первому разряду; не быть католиком или евреем; не иметь долгов и пробыть в строю не менее шести лет. Удовлетворявший этим требованиям должен был выдержать предварительные испытания при штабе Корпуса жандармов для занесения в кандидатский список и затем, когда подойдет очередь, прослушать четырехмесячные курсы в Петербурге и выдержать выпускной экзамен. На предварительных испытаниях кандидат должен был выполнить письменную работу на заданную тему и пройти собеседование. На последующих курсах будущих жандармов знакомили с техникой фотографии, дактилоскопией, системой Бертильона, шифрованием [8, с. 101—105]. Лекции были посвящены устройству Корпуса жандармов, технике политического розыска, истории революционного движения; изучалось уголовное право и Уложение о наказаниях. Офицер, выдержавший этот второй экзамен, переводился высочайшим приказом в Корпус жандармов [9, с. 30].

Данные требования почти полностью исключали местное белорусское население из числа соискателей «голубых мундиров». Лишь несколько уроженцев белорусских губерний проявили себя в этой сфере. Е. К. Климович, потомственный дворянин Витебской губернии, в 1915 г. возглавил Департамент полиции Российской империи; а К. И. Глобачев, уроженец Гродненской губернии, руководил Петроградским охранным отделением в 1915—1917 гг. В мемуарной литературе часто упоминается сплоченность «полочан» (бывших выпускников Полоцкого кадетского корпуса) и их взаимопомощь, оказываемая друг другу в про движении по службе [10, с. 367—368].

Что же привлекало офицеров в жандармской службе? Бесспорно, среди поступавших в Отдельный корпус жандармов находились идейные борцы с революционным движением. Во-вторых, Департамент полиции обладал правом награждения, вне всяких наградных норм и порядка, исполнительных чинов розыскных

учреждений, активно принимавших участие в борьбе с революционным движением. Это высочайшее повеление имело большое значение для офицеров Корпуса жандармов как привилегия для шедших в ту пору на службу в ГЖУ с риском опасности для жизни, так как на этом основании офицеры Корпуса жандармов обгоняли в чинах своих сверстников по службе в армии. Как пример, можно указать А. В. Герасимова (начальник Петербургского охранного отделения), который прошел путь от ротмистра до звания генерал-майора за пять лет и был награжден в этот период орденами до

Станислава I степени включительно, или карьерный рост Е. К. Климовича: от ротмистра до сенатора Российской империи за 10 лет. Третьим аспектом являлось материальное благополучие. Жалованье чинов ГЖУ было выше, чем в армии. Для сравнения, начальник Саратовского ГЖУ в 1905 г. получал ежемесячно 100 рублей жалованья, 225 рублей столовых и 57 рублей квартирных денег. Полковник А. П. Мартынов в Москве в июне 1912 г. по чину получал 300 рублей в месяц, на расходы по агентурным надобностям и служебные необходимости 150 рублей, а также наградные к Пасхе и Рождеству. Полагалось бесплатное служебное и штатское обмундирование и проезд, а также билеты в театр! Годовое жалование жандармского унтер-офицера в Витебске в 1901 г. составляло 1400 рублей [11, л. 3 об.]. На жандармов распространялись правила социальной защиты военнослужащих Российской империи. В 1890 г. был введен возрастной ценз, по достижении которого офицер увольнялся со службы: для младших офицеров он составлял 55 лет, для подполковников — 58 лет, для полковников и генералов возрастные ограничения не предусматривались.

В начале XX в. перед офицерским корпусом не существовало жилищной проблемы. Младшим офицерам, в зависимости от семейного положения, полагалась квартира из двух комнат, старшим офицерам — из трех комнат, а полковникам — из пяти, не считая помещений для прислуги и кухни. Вопрос о невыполнении данного обязательства государства перед офицером даже не ставился. В 1912 г. был принят новый устав о пенсиях для военнослужащих. За счет государственной казны пенсия назначалась офицерам и унтер офицерам, прослужившим 25 лет, в размере половины оклада (с учетом столовых и добавочных денег). Максимальная армейская пенсия за выслугу 35 лет составляла 7000 рублей в год (минимальная — 300 рублей), офицеры-жандармы получали в полтора-два раза больше [12, с. 45—47]. Понимание того, что за хорошие деньги придется нести тяжелую в морально-психологическом плане службу, приходило позднее. Интенсивность труда была высокой, продолжительность рабочего дня составляла 11—12 ч, по 3—4 года без отпуска, с постоянной угрозой для своей жизни и жизни близких людей.

Серьезной проблемой оставалась протекция при подаче заявления в Корпус жандармов. Генерал В. Д. Новицкий в своих воспоминаниях отмечал: «Закончив службу на Дону, я был лично рекомендован шефу жандармов генерал-адъютанту графу П. А. Шувалову для службы в Кор-

пусе жандармов» [13, с. 71]. Генерал А. И. Спиридович подчеркивал, что желающих было так много, что без протекции попасть на жандармские курсы было просто невозможно. Как результат, среди чинов этого государственного института было слишком мало лиц, которые по своим способностям, развитию и наклонностям отвечали бы тем важным, ответственным обязанностям, которые на них были возложены. Назначение же начальников управлений не высочайшими приказами императора, а командиром Корпуса вносило в жандармскую жизнь произвол, протекционизм и лишало его высший персонал

независимости и самостоятельности, столь необходимых для органа такого важного государственного значения, какое имел корпус в царской России. Сам по себе состав Корпуса пополнялся долгое время людьми, выбор которых, по-видимому, производился с недостаточной осмотрительностью, без надлежащих соображений о пригодности их для избранно го ими дела в настоящем или будущем. Некоторые офицеры, достигнув известного служебного положения и занимая ответственные посты, являлись тормозом в розыскной работе, оказывая деморализующее влияние на развитие молодых людей, находящихся у них в подчинении, и своим незнанием дела, непониманием окружающей действительности роняли в глазах общества престиж жандармской власти, лишая ее не обходимого обаяния, поддержки и возможности достигать своих целей. В связи с этим в декабре 1913 г. были внесены некоторые изменения в «Положение о приеме офицеров в Отдельный корпус жандармов». В новой редакции (ст. 2) установлены возрастные рамки для кандидатов от 24 до 33 лет, и обязательно прослуживших в офицерских чинах в строю не менее трех лет. Это мотивировалось тем, что ранее принимавшиеся подпоручики и корнеты, едва достигшие 21 г., с несформировавшимся характером и не умеющие разобраться в своей собственной жизни, не могут ориентироваться в сложных вопросах, выдвигаемых политической жизнью [14, с. 344].

Комплектование кадрового состава губернских жандармских управлений до 1917 г. носило случайный, непродуманный характер. После сдачи экзаменов в Штабе Отдельного корпуса выпускники получали лист с перечнем свободных вакансий, из которого и выбирали (в соответствии с полученными оценками) место будущей работы. За 1898—1917 гг. на территории пяти белорусских губерний через ГЖУ прошли почти 100 офицеров.

Анализ формулярных списков позволяет утверждать, что старшие офицеры Корпуса жандармов в белорусских губерниях были зрелого возраста (средний — 40 лет; до 30 лет — пять; до

40 — тридцать три; до 50 — тридцать; до 60 — девять человек); средний возраст начальников ГЖУ составлял почти 50 лет. Самым пожилым являлся генерал-айор М. Я. Клыков, который возглавил Виленское жандармское управление в возрасте 55 лет. Поручик А. А. Мацкевич занял должность помощника начальника Гродненского ГЖУ в 27 лет. Среди них были представители различных национальностей и вероисповедания — в абсолютном большинстве русские и православные, 2 лютеранина, магометанин и представитель армяно-григорианской конфессии; большинство из них окончили высшие военные училища, военные гимназии и кадетские корпуса; и все, кроме двоих, были женаты и имели одного-двух детей. На момент поступления на службу в белорусские ГЖУ все, за исключением троих, были награждены орденами и медалями, двое принимали участие в русско-турецкой и трое в русско-японской войне. Качественный состав местных жандармских органов улучшала практика прикомандирования к ним столичных офицеров Корпуса жандармов. Например, в Виленском жандармском управлении с 1898 г. были прикреплены два офицера (резерва и для поручений) из Санкт Петербурга.

Продолжительность службы офицера в начале XX в. в губернских жандармских управлениях была примерно одинаковой: в Виленском управлении — 3 года 4 месяца; в Минском — 3 года 5 месяцев; в Могилевском — 3 года 3 месяца; в Гродненском — 3 года 8 месяцев. Лишь в Витебском ГЖУ этот срок был ниже среднего — 2 года. Это отличие было вызвано отсутствием старожилов в данном управлении. Например, А. Мацкевич занимал должность помощника начальника Гродненского ГЖУ почти 14 лет, А. Власьев руководил политическим розыском по Гомелю почти 15 лет. Все сотрудники белорусских ГЖУ перед назначением на руководящие должности имели предварительный опыт

производства дел о государственных преступлениях, примерно 30 % из них служили адъютантами при этих же управлениях и только потом занимали руководящий пост [4].

Постоянные перемещения по жандармским управлениям не способствовали качественной работе. Отличившихся офицеров отправляли на повышение: 3 возглавили охранные отделения, 12 человек были направлены продолжать службу в столичные ГЖУ, еще 26 получили более высокие назначения. Массовый отток опытных кадров происходил в годы Первой русской революции, так как они были востребованы в наибо-

лее напряженных районах (Санкт-Петербург, Москва). Из 22 жандармов (начальников и их помощников), встретивших события 9 января 1905 г., на территории Беларуси к концу 1907 г. осталось лишь двое. Квалификация новых офицеров не всегда соответствовала должности. В Минском ГЖУ за первую половину 1905 г. сменилось три руководи теля, причем подполковника Столицу сняли со следующей формулировкой: «Из представления начальника Минского ГЖУ усматривается, что подполковник Столица совершенно не знаком с приемами разработки агентурных данных… а потому и розыск по Минску в таком виде вряд ли имеет какое-либо серьезное значение» [15, л. 13]. В Брест-Литовском уезде за 7 месяцев 1907 г. поменялось четыре руководителя.

В 1910—1913 гг. разрабатывался проект реформирования политической полиции в Российской империи. Для сбора материала была про ведена проверка во всех ГЖУ. В связи с этим инспекциями были уволены со службы как признанные «неспособными к руководству розыскными органами» 14 начальников ГЖУ, в том числе в Минске и Гродно [16, с. 101—102]. Особенность ситуации в том, что полковник А. Всесвятский (начальник Минского управления) возглавлял его на протяжении семи лет! Подводя итоги анализа кадровой политики в ГЖУ, необходимо отметить, что сколь бы большое значение ни имели усилия по совершенствованию, профессионализации и рационализации отдельных видов государственного управления, добиться даже минимальных успехов здесь невозможно, если эта деятельность не является органической частью общих усилий по совершенствованию и модернизации всей системы государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Королев, В. И. Жандармы Крыма. Кто они? / В. И. Королев // Историческое наследие Крыма. 2006. № 17. С. 163—169.

2. Плужников, С. Ю. Местные органы политического сыска Российской империи в конце XIX — начале XX века: историко-правовое исследование: автореф. … дис. канд. юрид. наук: 12.00.02 / С. Ю. Плужников. Тамб. госуд. унт. Тамбов, 2009. 25 с.

3. Список чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 9 июня 1909 года. СПб. : Тип. Отдельного корпуса жандармов, 1909. 724 с.

4. Список чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 15 июня 1916 г. СПб. : Тип. Отдельного корпуса жандармов, 1916. 688 с.

5. Записка заведующего заграничной агентурой П. И. Рачковского об условиях дея тельности политической полиции // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 1. 1898.

6. Списки раненых и убитых жандармских чинов, полицейских агентов, городовых, стражников и других с 1 февраля 1905 г. по 1 мая 1906 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Фонд 1416. Оп. 2. Д. 794.

7. Киселев, А. Бомба для генерал-губернатора: революционный террор и чиновники МВД белорусских губерний в 1905—1907 годах / А. Киселев // Беларуская думка. 2008. №6. С. 48—53.

8. Савицкий, С. В. Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба ОКЖ, относящихся к обязанностям чинов Корпуса жандармов по производству дознаний / С. В. Савицкий. СПб. : Тип. Отдельного корпуса жандармов, 1908. 286 с.

9. Спиридович, А. Записки жандарма / А. Спиридович. 2е изд. М. : Художественная литература, 1991. 268 с.

10. Мартынов, А. П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов / А. П. Мартынов // Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска / под ред. З. И. Перегудо вой. М. : Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. 512 с.

11. Сведения о личном составе чинов городской полиции, тюремной администрации и пр. // Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). Фонд 1430. Оп. 1. Д. 53502.

12. Гладких, И. П. Социальная защита военнослужащих / И. П. Гладких // Военно-исторический журнал. 2007. № 2. С. 45—49.

13. Новицкий, В. Д. Из воспоминаний жандарма / В. Д. Новицкий. М. : МГУ, 1991. 254 с.

14. Перегудова, З. И. Политическая полиция Российской империи (1880—1917) / З. И. Перегудова. М. : АСТ, 2000. 416 с.

15. Записка о проблемах работы Минского губернского жандармского управления // ГАРФ. Фонд 102. Ос. Отд. 1905. Д. 1735.

16. Глобачев, К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / К. И. Глобачев // Вопр. истории. 2002. № 7. С. 100—122.